

**НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА КАК СОЦИАЛЬНАЯ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА
(вместо предисловия)**

Семинар «Неформальная экономика в постсоветском пространстве: возможности исследования и регулирования» был инициирован Центром независимых социологических исследований и проведен при поддержке программы «Восток-восток» Института Открытое Общество в ноябре 2002 г. в Санкт-Петербурге. Сравнение опыта постсоциалистических стран в исследовании и регулировании неформальной экономики представлялось организаторам семинара оправданным и продуктивным прежде всего потому, что, судя по многочисленным исследованиям, неформальные процессы в этих странах имеют определенное сходство. Семинар был задуман как диалог ученых и практиков, поэтому в сборнике, который вы держите в руках, представлены не только доклады исследователей из России и других постсоциалистических стран, но и материалы дискуссии на круглом столе, в которой принимали участие представители исполнительной и законодательной власти, эксперты и бизнесмены.

Во вступлении к этому сборнику мы хотели бы обратиться к вопросу, который хотя и не ставился напрямую в текстах докладов, но возникал в явной и скрытой форме в дискуссиях на протяжении всего семинара: *а что собственно заставляет считать неформальную экономику социальной проблемой, требующей регулирования?* Следом возникает и другой вопрос: *в чем состоит исследовательская проблема неформальной экономики?* При всей кажущейся тривиальности, вопрос далеко не столь простой, поскольку, как это не раз оказывалось в ходе дискуссий, имевших место на конференции, «очевидность» многих принятых рассуждений рассыпается при переходе от обыденных представлений к научным, от эмических категорий - к аналитическим.

В чем социальная проблема неформальной экономики?

При определении проблемы неформальной экономики следует, прежде всего, отличать исследовательскую позицию от позиции административной или управленческой. Рассматривая различные дискурсы о неформальной экономике сегодня, следует признать, что доминирует среди них дискурс административный. Самое распространенное и конвенциональное определение неформальной экономики как экономической деятельности, которая не отражена в официальной отчетности, является «управленчески ориентированным». С точки зрения государственного управления, проблематизация неформальной экономики связана с двумя вопросами: во-первых, это невозможность ведения статистического учета реальных масштабов экономики; во-вторых, это проблема налогообложения (из-за того, что значительная часть экономических интеракций в сфере, именуемой «неформальной экономикой», находится в тени, государственный бюджет недополучает значительные суммы). Однако исследования демонстрируют нам, что, если взглянуть на ситуацию глазами самих участников неформальной экономики, проблематичность перестает быть столь очевидной или состоит в чем-то другом...

Кому не нужна неформальная экономика?

На микроуровне неформальные практики предстают не просто естественным механизмом функционирования экономики, но способом решения многих проблем, связанных с несовершенством формальных правил (Sik, Wallace 1999). Наличие неформальных и полуформальных городских рынков, например, позволяет малообеспеченным слоям населения покупать товары первой необходимости по низким ценам. При этом издержки подобной торговли никого не пугают: люди сознательно идут на риск приобретения некачественной продукции ради возможности получить ценовую выгоду¹. Сам факт чрезвычайно широкой распространенности неформальных рынков в экономиках постсоциалистических стран², как и малая результативность запретительных мер по отношению к

¹ См. статьи настоящего сборника о неформальной торговле: М. Суворова. П. Романов; М. Кайзер, О. Жилкин.

² См. статью Э. Шика в настоящем сборнике, а также Sik. 1997.

неформальной торговле (см. статью П. Романова и М. Суворовой в данном сборнике), говорят о функциональности данного феномена и его положительном восприятии населением. В сфере неформальных трудовых отношений ситуация, как кажется, тоже всех устраивает (и это хорошо продемонстрировало исследование, представленное на семинаре С. Барсуковой): работодатели избегают излишних затрат, связанных с налогами и социальным обеспечением работников, неформально занятые получают более высокие «черные» зарплаты и «моральное оправдание» работать не в полную силу, не задумываясь о соблюдении трудовой дисциплины¹. При этом никто не испытывает особого недовольства, что хорошо продемонстрировало равнодушие трудящихся к принятию нового трудового кодекса.

Исследования социальных сетей в деревне показывают, что в экономических стратегиях сельского населения неформальные отношения всегда занимали ведущее место, а дискомфорт вызывали скорее формальные правила, насаждаемые извне². Даже неформальная оплата медицинских услуг, ставшая неизменным атрибутом государственного здравоохранения, воспринимается населением не столь остро, как это можно было ожидать, гораздо больше нареканий вызывает качество медицины³. Неформальная система поборов на таможне, о которой пишет В. Радаев, позволяет решать проблемы несовершенства экономической системы (мы пока оставим в стороне вопрос о причинах возникновения этого несовершенства), выступает реальным регулятором отношений между бизнесом и таможней, нарушение которого может привести к серьезным проблемам в торговле вплоть до возникновения товарного дефицита⁴. Особо примечательно то, что хорошо отлаженная и соблюдаемая всеми участниками система неформальных таможенных сборов вполне устраивала как бизнесменов, так и таможенников вплоть до недавнего времени, когда размеры неформальных таможенных сборов начали возрастать. Подводя итог, можно сказать, что для людей самых разных статусов, представляющих различные социальные группы и вовлеченных в разного рода неформальные экономические отношения, не-

¹ См. статью С. Барсуковой.

² См. статью И. Штейнберга.

³ См. статью И. Козиной.

⁴ См. статью В. Радаева.

формальная экономика представляется вполне естественной; факт ее неформальности сам по себе достаточно редко вызывает ощущение дискомфорта; во всяком случае, не чаще, чем формальные экономические отношения.

Если обратиться к дискуссии, развернувшейся на круглом столе, можно заметить, что в примерах, приведенных подавляющим числом выступающих, фигурируют акторы, которым по тем или иным причинам неформальные экономические отношения удобны. Так, для работников они привычны, предприятиям малого и среднего бизнеса позволяют находить возможности для получения неподконтрольного «черного нала», чиновникам - компенсировать низкие зарплаты, политикам они необходимы для проведения предвыборных кампаний.

Кого же тогда не устраивает неформальная экономика? Возникает предположение, что это скорее проблема государства и государственного управления, не воспринимаемая как значимая на уровне повседневных экономических практик. Само население часто не рефлектирует, в какой именно форме - формальной или неформальной - происходят реальные экономические интеракции. Более того, представления граждан и государства о том, что формально, а что нет, что законно, а что противозаконно, порой сильно различаются. По мнению венгерского социолога Пала Тамаша, неформальная экономика - это прежде всего проблема министерства финансов, заинтересованного в наиболее полном поступлении налогов в государственную казну, а также политической элиты, которая использует обвинения друг друга в неправовых экономических действиях и своих политических играх. Схожее мнение звучит в оценках экспертов, когда речь идет о том, кому интересны исследования неформальной экономики. По мнению руководителя аналитического отдела Законодательного собрания Санкт-Петербурга А. Вейхера, кроме академических кругов и некоторых политиков такого рода исследования никого не интересуют.

Нормативный и конструктивистский подход к «проблеме неформальной экономики»

Все вышесказанное не означает, однако, что проблемы неформальной экономики не существует вообще. Ее ускользающий ха-

рактика объясняется, на наш взгляд, ограниченностью «привычного» нормативного подхода к определению социальной проблемы, который оказывается в данном случае неприемлемым. Нормативное понимание проблемы сразу вступает в противоречие с реальной картиной, которую мы получаем как из социологических исследований, так и из собственного повседневного опыта.

С точки зрения нормативного подхода, социальная проблема - это «расхождение между тем, что есть, и тем, чему, как считают люди, следует быть» (Р. Мертон и Р. Нисбет¹). Т.о., неформальная экономика предстает как девиация, отклонение от норм, т.е. тех способов экономического поведения, которые воспринимаются как правильные, должные, общепринятые. Однако если привычные и удобные правила экономических взаимодействий объявить несоответствующими тому, чему «следует быть», это не будет означать их автоматического исчезновения. Широкая распространенность неформальных практик заставляет поставить вопрос о том, что же действительно является общепринятыми нормами экономического поведения, а постоянное и *систематическое несоответствие* реальных (неформальных) правил экономических взаимодействий нормативным (формальным) ставит под сомнение «естественность» формального порядка, принимаемого за норму. В этом смысле, вероятно, логичнее было бы отрегулировать правила таким образом, чтобы они учитывали реальные экономические отношения, чем пытаться привести реальность в соответствие с неработающими формальными правилами.

Из всего сказанного вытекает предположение о том, что неформальная экономика формулируется в качестве *проблемы*, в первую очередь, на уровне экономической *модели*, признаваемой в качестве доминирующей, а не на уровне *реальных* повседневных экономических взаимодействий. Любое общество на любом историческом этапе своего развития характеризуется многообразием типов хозяйственной интеграции (Поланьи 2002: 70). При этом существует некий доминирующий тип, который поддерживается господствующей хозяйственной идеологией, а потому получает формальную институциональную поддержку со стороны государства. Это не

¹Цит. по «Социальная политика и социальная работа» в изменяющейся России / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 28.

ведет к исчезновению других типов хозяйственных взаимодействий (интеграций), но приводит к рассмотрению их как отклоняющихся, не очень значимых либо мешающих развитию основного типа. С известной долей обобщения можно сказать, что неформальная экономика - это то, что не «вписывается» в представления о наиболее эффективном экономическом порядке, определяемом господствующей экономической идеологией. В советские времена, например, когда распределительная модель была доминирующей в хозяйственной интеграции, под категорию «неформальной экономики» попадало подпольное «капиталистическое» производство, которое с точки зрения современной рыночной идеологии выступает как раз «формальным». В то же время сохранение распределительных моделей в регулировании бизнеса (а порой и усиление распределительного характера экономических отношений, высокая реальная зависимость бизнеса от власти, как, например, в случае отношений на таможне) сегодня трактуется в бывших социалистических государствах как нечто неформальное и нелегальное.

Если проследить возникновение в научном и общественном дискурсе самого понятия «неформальная экономика», «неформальный сектор» (Шанин 1999), то окажется, что в этой «проблеме» нет ничего «естественного» и существовала она не всегда. Она обозначилась тогда, когда оказалось, что помимо капиталистической организации производства, рыночной экономики, которая рассматривается господствующей «экономической идеологией» как наиболее эффективная, вдруг обнаружились другие формы экономического поведения. Эти внезапно обнаруженные формы противоречили господствующей модели, но вполне успешно вписывались в существующую социальную ситуацию (см. Харт 1973, 1999). В этой связи проявление внимания к неформальной экономике можно, вероятно, считать своеобразным индикатором начала рефлексии по поводу эффективности рыночного экономического устройства.

Все эти доводы заставляют обратиться к конструктивистской традиции, когда фокус внимания перемещается от объективных условий на процессы, в результате которых ситуация начинает считаться социальной проблемой (Полач 2000: 8). Если взглянуть в исторической перспективе на явления, которые рассматриваются сегодня как проблемные, то окажется, что многие из них еще недавно не считались таковыми. Важно понять, в какой момент, почему и

для кого ситуация начинает восприниматься как проблемная. С этой точки зрения, «проблема неформальной экономики» также может и должна быть рассмотрена как важная составляющая формирования общественного мнения. В докладах на семинаре не раз звучал тезис о мощной идеологической нагрузке термина «неформальная экономика», о его использовании в политической борьбе. В этом смысле интересно было бы проанализировать, кем и как формулируется проблема неформальной экономики, какие группы привлекают внимание общества к этому феномену как к «проблеме». Попытка дать ответы на эти вопросы заслуживает статуса самостоятельного исследовательского фокуса. Тем не менее обращение к конструктивистским подходам вовсе не означает, что не нужно изучать сам феномен социальных и экономических отношений, именуемых «неформальной экономикой», хотя бы для того, чтобы понять, до какой степени поименованный, и тем самым - вызванный к жизни теми, кто имеет легитимное право на «официальную номинацию» (Бурдые 1993: 72), социальный феномен имеет референты в социальной реальности индивидов.

«Неформальная экономика» как исследовательская категория

В самом начале статьи мы призывали различать управленческий (административный, прагматический) и исследовательский (академический) подходы к пониманию феномена неформальной экономики. Выше мы постарались показать, что, с нашей точки зрения, доминирующая сегодня интерпретация неформальной экономики как *социальной* проблемы базируется именно на управленческой перспективе, в основе которой лежит нормативный подход к социальным феноменам.

Говоря о неформальной экономике как об *исследовательской* проблеме, следует также проводить различие в понимании данного феномена, но уже внутри академического подхода. Этот подход представлен экономической и социологической, а сегодня все больше и антропологической перспективами. Признавая невозможность жесткого разграничения исследовательских подходов, мы все же попытаемся проследить основные ракурсы, которые, на наш взгляд, имеются сегодня в исследованиях неформальной экономики.

Участие в прошедшем семинаре представителей различных дисциплин предоставило для этого хорошую возможность.

С *экономических* позиций неформальная экономика предстает как препятствие успешному экономическому развитию, прежде всего на макроуровне. В этом смысле экономический исследовательский подход максимально близок к подходу управленческому и активно используется в рамках последнего. Исследовательская проблема в данном случае заключается в том, чтобы измерить и оценить степень отклонения контуров и масштабов реальной экономической деятельности от формально фиксируемых, а также спрогнозировать возможные варианты экономического развития с учетом влияния неформальной экономики.

Другая позиция, близкая к экономической перспективе, представлена экономосоциологами, которые рассматривают неформальную экономику с точки зрения ее роли для функционирования бизнеса в условиях неэффективного институционального окружения. Широкое использование неформальных экономических практик здесь трактуется как результат рационального выбора индивида в целях минимизации транзакционных издержек. Это приводит к деформализации правил хозяйственной деятельности - трансформации институтов, замещению формальных правил неформальными (Радаев 2001: 47) Исследовательская задача с позиций экономической социологии состоит в том, чтобы понять роль неформальности в функционировании экономических институтов, оценить возможные последствия распространения неформальных экономических отношений для развития бизнеса и экономики.

Социоантропологический подход (возьмем на себя смелость обозначить его таким образом) в отношении неформальной экономики состоит прежде всего в том, что экономические действия рассматриваются как погруженные в контекст социальных отношений и представляющие собой часть этих отношений. С этой позиции неформальная экономика понимается как феномен не только и не столько экономический, сколько социальный (и культурный) по своей природе. С точки зрения данного подхода, исследовательская проблема состоит в том, чтобы понять, как видится ситуация ее непосредственными участниками. Антропологические исследования, направленные на изучение микропрактик индивидов, заставляют нас усомниться в том, что распространенной формулировке

«неформальная экономика» соответствует реальному социальному феномену с собственной внутренней «функциональной и экзистенциальной логикой» и «эмпирическим ядром» (Шанин 1999: 15), обладающий неким внутренним единством.

Почему существует так много экономик?

В выступлениях участников семинара неоднократно поднимался вопрос о том, что термин «неформальная экономика» является крайне неудачным с точки зрения его использования в качестве аналитического инструмента и исследовательской категории (см. выступления Бляхера). Термин не устраивает исследователей, поскольку охватывает чрезвычайно широкий спектр социально-экономических явлений, имеющих порой совершенно различную природу и механизмы функционирования. Теодор Шанин указывает на то, что существует огромное количество формулировок для обозначения явлений, связываемых с «неформальной экономикой» (Шанин 1999: 13). Помимо «неформальной», ее именуют эксплоярной, теневой, подпольной, традиционной, незарегистрированной, туземной, семейной. Сюда же можно добавить экономику «выживания» (Тихонова, Шкаратан 2001), «моральную» экономику (Скотт 1999, Scott 1976), «повседневную» экономику (Hamphrey 2002, Arnstberg & Boren 2003) и еще много других. Мы полагаем, что за этим широким спектром наименований скрыта следующая проблема: многообразие феноменов, подпадающих под термин «неформальная экономика», делает невозможным его использование в качестве корректной исследовательской категории.

Фактически термин «неформальная экономика» основан на отрицании и указывает на существование у всех феноменов, объединенных в эту категорию, лишь одного сходства - неформальности. Однако возникают серьезные сомнения в том, что именно эту черту следует считать определяющей для всех социально-экономических отношений, объединяемых в данное понятие. Возникает вполне обоснованное предположение, что в одну категорию искусственно объединяются феномены совершенно разной природы, имеющие значительно больше отличий, чем сходств. Такой подход оправдан, если исходить из перспективы управляющего государства, озабоченного адекватной статистикой и налогами, однако он представляется не самым удачным с точки зрения научного исследования.

Мы не являемся сторонниками использования естественно-научных аналогий для лучшего понимания социальной реальности, однако воспользуемся одним сравнением. Представим, что все живые существа на планете, кроме человека, объединены под названием «нечеловеки» (nonhuman beings). Оспорить такую формулировку с точки зрения обыденной логики сложно (действительно, они же все не-люди!?), но будет ли такой подход научно эвристичным? Станет ли он аналитическим инструментом, адекватно описывающим окружающий мир? Поможет ли он в понимании тех форм жизни, которые объединены таким поистине всеобъемлющим термином? Пожалуй, подобная формулировка может быть признана удачной только в одном случае: если будет использоваться для проведения четкой границы между «людьми» и «всеми остальными». Во всех прочих случаях термин «не работает»: он ничего не объясняет в тех явлениях, которые пытается охарактеризовать, а напротив, лишь затрудняет их понимание. Все вышесказанное относится и к термину «неформальная экономика», в основе которого, по нашему мнению, лежит та же логика.

Отсюда следуют всевозможные казусы, возникающие в ситуациях, когда эмпирический материал, рассказывающий об одном феномене, исследователь пытается объяснить через модели, созданные на основе изучения феномена совершенно иного рода. Такой подход оправдывают тем, что оба феномена относятся якобы к «неформальной экономике». Но достаточно ли этого? Много ли можно понять о реальных принципах функционирования, скажем, «повседневной экономики», анализируя ее при помощи моделей, разработанных для объяснения «теневой экономики»? Это вызывает серьезные сомнения.

В действительности, как нам кажется, не следует говорить о том, что все эти термины описывают по-разному некоторое «реально существующее» монолитное социально-экономическое явление. Скорее, они указывают на возможные аналитические подходы, исследовательские фокусы, позволяющие с различных позиций изучать многообразную, динамичную социальную реальность, значительно более сложную, чем могут ухватить и описать бинарные оппозиции, вроде «формальная» - «неформальная». Каждый раз такие бинарные оппозиции схватывают лишь одно измерение многомерного пространства социальных отношений. Именно поэтому

мы имеем сегодня так много «экономик», список которых по-прежнему открыт.

- Бурдые **П. Социальное** пространство и генезис классов // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio Logos, 1993.
- Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. www.ecsoc.msses.ru
- Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И.Г. Ясаев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. С. 7-11.
- Радаец В. Новый институциональный подход и деформализация правил российской экономики: препринт 2001 WP1/2001/01.- М: ГУ-ВШЭ, 2001
- Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002.
- Скотт Д. Моральная экономика деревни // Неформальная экономика: Россия и мир / Под. ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 541-544.
- Тихонова Н., Шкаратан О. Российская социальная политика: выбор без альтернативы? // Социологические исследования. 2001. №3. С. 21-31.
- Харт К. Неформальные доходы и городская занятость в Гане // Неформальная экономика: Россия и мир / Под. ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 532-537.
- Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика: Россия и мир / Под. ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 11-32.
- Arnstberg K-O., Boren T. Introduction // Everyday Economy in Russia, Poland and Latvia / Ed. by Arnstberg, Karl-Olov and Boren, Thomas. Sodertorn Academic Studies, Stockholm: Ilmqvist and Wiksell International, 2003 (*forthcoming*).
- Sik E. The Spatial Distribution of Informal Market Places and Informal Foreign Traders in Contemporary Hungary. Working paper #280, Bielefeld 1997.
- Sik A., Wallace C. The Development of Open-air Markets in East-Central Europe // International Journal of Urban and Regional Research. Vol.23. №4. 1999. P. 697-714.
- Hamprey C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism. Ithaca & London: Cornell University Press, 2001.